

УДК 82-3
ББК 88.3 (-445*84)
К 38

Кибкало Александр

К 38 Сакральный футбол / А.В. Кибкало. – М.: Алгоритм, 2018. – 800 с.

ISBN 978-5-907028-55-5

Действие романа происходит в 2028-2030 годах в России, а также в США и странах Латинской Америки. Футбол предстает здесь как некая динамическая модель жизни; футбольный чемпионат мира – как ристалище, на котором происходит метафизическое сражение сил противоположного знака, исповедующих принципиально различные взгляды на будущее человеческой цивилизации. Эти силы представлены, с одной стороны, славянскими волхвами, приверженцами ведической традиции; с другой – западными оккультными орденами.

Политическая борьба, описанная в книге, предстает как проекция борьбы метафизической. Борьба за будущее России, ее место в общецивилизационных процессах рассматривается с позиций метаистории.

УДК 82-3
ББК 88.3 (-445*84)

- © Кибкало А.В., 2018
- © Сергей Гарбузов, идея обложки и рисунки, 2018
- © Игорь Анисифоров, рисунок на титульном листе, 2018
- © ООО «ТД Алгоритм», 2018

ISBN 978-5-907028-55-5

ОТ АВТОРА

Роман этот замыслен был мною много лет назад, и лишь в 2016-м году сложились условия, при которых я мог приступить к его написанию. Он, безусловно, носит черты «романа-фэнтези», так как его действие разворачивается в недалеком, но все же будущем — в 28-30-м годах текущего века.

Вряд ли стоит рассматривать эту книгу лишь как одну из стоящих в обойме спортивной литературы, хотя спортивный аспект, бесспорно, в ней присутствует. Автор всегда неравнодушно относился к футболу — возможно, в силу того, что родился и провел первые годы жизни в районе стадиона «Динамо». Автор в свое время и сам играл в любительских командах, да и теперь, случается, выходит на поле.

Однако автор предполагает, что его замысел простирается далеко за рамки футбольной тематики.

Игра как модель, отражающая взаимодействие процессов разного уровня в системе жизни, всегда привлекала внимание автора. Большая Игра, как магический кристалл, концентрирует в себе бесчисленные энергетические потоки, возникающие на различных планах Глобальной Реальности.

Разглядывание того, что стоит за Большой Игрой, по мнению автора, может позволить нам уловить подтексты многих конкретных событий, что в этой реальности возникают.

Большая Игра неизменно ставит вопрос о победителе и проигравшем; в различных системах координат он может иметь совершенно различную конфигурацию.

В данном же случае, как предполагает автор, этот вопрос соотносится с темой противоположения аспектов Света и Тьмы, а также Добра и Зла.

По мнению автора, Большая Игра может быть рассмотрена и как проекция борьбы различных наций за самоопределение, а в отдельных случаях — за доминирование на планетарном пространстве.

В таком контексте важнейшую роль приобретают такие факторы, как влияние эгрегоров наций и эгрегоров Родов, связанные с еще более глобальными метафизическими факторами.

Автор предлагает свою версию ответа на вопрос, какой метафизический источник наиболее соответствует духу славянства как этноса, исторически призванного к объединению вокруг себя других больших и малых народов.

В романе делается попытка осмыслить некоторые из общецивилизационных процессов; и на этой основе предположить, каким образом они могут быть спроецированы на будущее цивилизации.

Для тех же, кто столкнется с непонятными для себя терминами, предлагаю обратиться к Словарю использованных терминов, размещенному в конце книги.

Хочу выразить глубокую признательность за помощь в создании этой книги Омскому бизнесмену Святославу Капустину, а также моей жене Камилле Кибкало.

Отдельная благодарность за предоставленные работы талантливому художнику Сергею Гарбузову.

ПРОЛОГ

— Как он надоел со своим жужжанием...

Михаил Георгиевич был готов выругаться в каких-то резких выражениях по поводу соседа и его триммера, но он давно отвык от ругани как формы выражения эмоций, да и сами эти слова практически забыл. Раздражение он плавно растворил, переплавил в своих внутренних алхимических печах и стал просто ожидать, лежа на своем диванчике на веранде дачи, когда сосед, наконец, докосит траву, и можно будет уснуть. Он очень устал от возни на участке, от перекладки дров от дома в сарай, от сбора древесного мусора, от обрезки веток и подкрашивания стволов трех яблонь и двух слив антипаразитарной эмульсией.

Через длинное окно веранды хорошо было видно небо; две мухи отчаянно жужжали и пытались прорваться на волю; за стеклом, по белесо-голубому небу, проползали курчавые вялые сентябрьские облака.

Соседский триммер вдруг затих. Михаил Георгиевич ожидал, что он снова взревет и будет давить ему на мозги и нервы. Но нет; стали слышны переговоры соседа с женой, затем звяканье ведер, урчанье собаки; а потом и вовсе стало тихо. Только мухи все жужжали, и вроде как не собирались устать. И тут же сознание Михаила Георгиевича стало заволакивать мягким туманом полусознанности. Он легко поддался на этот переход, и вскоре услышал собственный храп. Тогда он перевернулся со спины на бок, и вроде бы проснулся. Но это ему только показалось. Потому что далее он увидел какое-то туманное поле и идущих по нему людей. Он даже попытался понять, что это за люди, почему он их видит. Но затем перестал о них думать.

Оказалось, что эти люди с тяжелыми тюками за плечами идут к небольшому самолетику. Его головной винт уже

крутился, высверкивая в воздухе серебристый диск... Люди, постояли, затем стали грузиться в самолетик.

Михаил Георгиевич снова услышал собственный храп и решил проснуться. И, вроде бы, даже увидел мух на окне веранды. Но они были чрезмерно большие, просто огромные, с толстыми волосатыми ножками.

Но вдруг он снова очень ясно увидел тех же людей. Только теперь они уже летели в этом самолетике. Мужчины посмеивались, подбадривали двух женщин. Вдруг боковая дверца самолета открылась, ворвался сноп дымного ветра; сидевшие вдруг встали, и начали продвигаться к открытой дверце. Внезапно один резко шагнул в никуда и пропал. Затем другой мужчина, потом женщина. У люка стоял мужчина, бородатый, в красной куртке, с волевым загорелым лицом. Он что-то говорил каждому, но за шумом мотора не было ничего слышно. И вдруг сознание Михаил Георгиевича сделало странный скачок: он вдруг оказался вне самолета, и летел вместе с парашютистами вниз. Он видел, как вспыхивают на солнце их разноцветные парашюты, а сами люди резко взлетают вверх; он же почему-то продолжал лететь куда-то вниз. И тут он обернулся, и увидел прямо перед собой, буквально в метре, женщину. Это была одна из тех двух, что сидели в самолете. Она летела вниз как-то боком; темно-русые волосы выбились из-под шапочки; она судорожно дергала какой-то крючок на мешке, что висел у нее спереди. У нее было белое от ужаса лицо, куртку всю просто рвало ветром... Ее переворачивало, она пыталась дотянуться до мешка, что висел у нее на спине; кто-то истошно кричал ей сверху, и крик этот удалялся...

Земля стремительно приближалась... Лицо женщины теперь казалось Михаилу Георгиевичу знакомым. Тяжелая густая тревога объяла все его существо. Как будто что-то или кто-то (или же часть его самого) резко толкнула его в сторону парашютистки. Уже перед самой землей, метров за двести до встречи с желтым каменистым грунтом, он как-то подсел под нее, обе руки сложил у нее за спиной. Почувствовав тяжесть ее тела, непонятно каким образом напрягся, и стал удерживать ее, замедляя скорость падения. Так продолжа-

лось секунды три. Только когда она приземлилась, слегка ударившись левым плечом о грунт, он убрал из-под нее руки. Последнее, что он увидел — удивленные серые глаза женщины, устремленные на него...

Он резко очнулся, как от толчка. О стекло билась теперь только одна муха; куда делась вторая, было непонятно. Со стороны соседа слышалось снова жужжание, но негромкое: это работал погружной насос. Сосед, по всей видимости, поливал цветы...

— Что это такое было? — проговорил вслух Михаил Георгиевич. — К чему это?..

Он присел на кровати. Потер ладонями шею и голову, повертел ей, разогревая шейные позвонки. Посмотрев на настенные часы, обнаружил, что спал почти час... Он поднялся, не переставая думать о только что произошедшем с ним во сне; затем пошел за водой, чтобы согреть воду для чая.

...Ровно через два дня достаточно случайно он обнаружил в сети сообщение. «Неслыханное дело! — восклицал в экран молодой конопушный парняга-блогер. — Под Ростовом при выполнении обычных тренировочных прыжков парашютистка приземлилась с нераскрывшимся парашютом! Она грохнулась с высоты 1200 метров, но не просто осталась жива. Ничего, кроме вывиха левого плеча, у нее нет. Ни единой царапины! И что скажут наши высоколобые учёные, доктора? И что скажут священники?.. Как вам новостишка? Не переключайтесь! Хотя круче этого уже не будет...»

К сообщению была добавлена фотография молодой женщины, лет тридцати, с немного печальным, внимательным взглядом серых глаз.

Михаил Георгиевич сразу же узнал ее. Это была она — та самая парашютистка...

ГЛАВА 1

Звонок раздался в момент не самый подходящий: он только разложил на движущей ленте перед глазком считывателя покупки и уже хотел приложить ладонь к биоска-

неру, чтобы с его счета списалась сумма покупок; в это момент Андрей и увидел на экране айфона лицо неизвестной женщины с собранными в пучок волосами.

— Простите, Андрей Викторович? Маранов? — спросил энергичный женский голос.

— Да... Это я, — насторожился Андрей и не мог понять, отчего у него внутри все сильно напряглось. «Налоговая полиция...» — мелькнула мысль.

— Андрей Викторович, с вами сейчас будет говорить... Сергей Валерьевич Падин... Вам, вероятно, знакомо это имя?

«Вот оно!» — мелькнуло в голове. У Андрея перед глазами всплыл образ известного олигарха — высокого мужика с холодными стальными глазами. Он понял, что это есть проявление того напряжения, что он улавливал в пространстве все последние дни. Внутренне сжался и собрался.

Он нажал кнопку на блок-менеджере, и переключил сигнал на айфон. «Здесь и сейчас!» — послал он в сознание привычную установку. — «Здесь и сейчас»... Сознание тотчас свернулось в пульсирующий, огненный фрактал, который моментально связал его с реальностью гибкими светонесущими струями.

— Да, безусловно... Знаю, разумеется, — ответил он, отходя от сектора расчетов.

— Вы сейчас готовы говорить? Вам удобно разговаривать?

Энергично-цепкий, отстроенный тысячами подобных звонков голос секретарши Падина, словно въедливый цепень, вонзился в него.

— В принципе, да... Но мне нужно секунд тридцать... Я в магазине.

Секретарша, разумеется, слышала шум и поняла, что он в людном месте. Но она также уловила, что Андрей осознает значение разговора; понимает, что его нельзя откладывать на потом; что вынуждать ее делать повторный звонок не стоит.

— Хорошо. Я не отключаюсь... Вы отзовитесь, когда будете готовы к разговору.

— Договорились...

Андрей схватил корзинку с продуктами и быстро прошел в дальний угол супермаркета. Время было дневное, народу мало. Он приткнулся у стеллажей с бакалеей, и несколько секунд лихорадочно размышлял: «Зачем я ему нужен? Откуда он знает про меня?» Но тут же понял, что ответить на этот вопрос сразу не может. Однако в нем четко возникло осознание значимости момента. «Это и есть точка переключения стрелок, — сверкнула мысль. — Это имеет отношение к главной задаче. Не оплошай!» Он посмотрел в мониторчик айфона и зафиксировал дату и время: 14.10.2028... 15:17. Начался отсчет...

Он выдохнул и проговорил уверенно в свой серенький «Segate»:

— Я готов к разговору. Можете соединять.

— Поняла вас, — ответила она и тут же пошла мелодия соединения — вечная тема из «Крестного отца». Затем он услышал:

— Сергей Валерьевич, я связалась с Марановым, как вы просили. Будете говорить?

— Да. Соединяйте.

После этого прошло не более пяти секунд, после чего Андрей увидел на айфоне лицо, знакомое по телепередачам:

— Андрей Викторович?

— Да, Сергей Валерьевич... Слушаю вас внимательно... Чем могла заинтересовать вас... моя скромная персона?

Падин хмыкнул удовлетворенно:

— Все очень относительно, Андрей Викторович. Сегодня скромная, завтра, глядишь, на гребне... Вообще-то у нас неправильно употребляют это слово ...Скромность — ведь это о другом?

— Течение жизни вносит коррективы, — отозвался Андрей, — семантика — довольно мобильная система. Вы заметная фигура, я — нет. Обычно заметные фигуры интересуются только заметными.

— Логично...

Падин сделал паузу. Он явно оценивал уровень игрока на другом конце невидимого провода. Андрей видел, как пристально, цепко он вглядывается в него с экранчика. .

— Есть разговор, Андрей Викторович. Вы сейчас в Москве?

— Да.

— Можете подъехать ко мне в офис завтра?

Андрей моментально прозвонил завтрашний день — вторник; у него не назначено ничего существенного. В риелторском офисе нет совещаний, подписаний договоров тоже нет. Даже и если б и были — тут и думать нечего...

— Я в принципе не представляю, что меня могло бы заставить отложить такую встречу, — деликатно отвечал Андрей. — Назначайте время, Сергей Валерьевич... Я подстроюсь.

— Тогда в районе трех дня я вас жду у себя... Я переключаю вас на Эмму, моего секретаря. Она подскажет, как нас найти, и закажет пропуск.

— Что и говорить, заинтригован... До встречи, Сергей Валерьевич!

— До встречи, Андрей Викторович.

Вновь зазвучал в мобильнике голос секретарши. В ситуации напряжения адрес офиса ярко записался на каком-то табло внутри сознания Андрея, и все же он затем проговорил на регистратор; адрес тут же высветился на дисплее.

Он вышел из магазина почти пустой. Молоко и творог оставил в молочном отделе. Зафиксировал задумчиво на регистраторе только хлеб, ветчину и сыр.

На улице на него налетел порыв упругого и сырого октябрьского ветра. Было хмуро, как почти всегда в Москве в это время. Листья тяжело елозили по асфальту, застревая в холодных лужах, размокая и замирая. На проспекте Мира шел сплошной поток серых машин, управляемых автопилотами. Разноцветные машинки, управляемые людьми, были отличимы по нестандартной ухарской езде. Теперь общий прерывистый гул почему-то давил ему на мозги. Он ушел с проспекта в переулки, и двинулся вглубь жилого массива.

Он пытался понять, с чем связан этот звонок. Ясно, что это не имело никакого отношения к его риелторской работе — ни с какой стороны это не могло заинтересовать Падина. Крупные сделки большого масштаба их небольшое

агентство не вело. Может быть, какие-то общие знакомые? Но в какой связи?

Он шел, недоумевая. Проходя мимо одного из дворов, он услышал буханье мяча, крики мальчишек. Звуки улетали в пространство, отражались от стен дворового колодца, обростали резонансом, реверберировали. За сетчатой оградой располагалась стандартная коробка, какие в последние годы во множестве понастроил во дворах новый мэр. Он уже проходил ее, но вдруг услышал громкий крик мальчишки:

— Ну ты и козел, Андрюха!

У него в мозгу так и вспыхнуло что-то... «Во как! — усмехнулся он про себя. — Ничего плохого не сделал, а уже козел...»

И тут же тяжелый серый мяч бухнулся прямо перед ним на мостовую и покатился куда-то вниз... Через мгновение появился и мальчуган в синей ветровке и белых кроссовках, который помчался догонять мяч.

Андрей тупо смотрел на катившуюся перед ним черно-белую сферу.

— Футбол!

Понимание пронзило его настолько резко, что он произнес это слово вслух. Пацаны, стоявшие у сетки внутри площадки, остановились, глянули на него.

— Я мог заинтересовать его только футболом, — уже негромко проговорил он, и двинулся дальше.

Дома он первым делом включил компьютер и вошел в сеть. Ему надо было получить о Падине как можно больше информации.

Замелькали окошки, столбики, галереи видео. Вскоре все стало ясно.

Вот Падин где-то открывает какой-то футбольный турнир, им же организованный и профинансированный. Девушки дарят цветы, он фотографируется с какой-то командой. Вот он сам на поле с мячом, в белой футболке, рядом какие-то немолодые футболисты — видно, корпоративная команда или что-то в этом роде. Вот ведущая какой-то теле-

программы сообщает, что известный олигарх Падин заявил свои претензии на футбольный клуб «Монако»... Информация о сделке... Сделка не состоялась...

Андрей откинулся на своем компьютерном кресле назад и произнес, ероша волосы:

— Конечно, футбол... Что же еще? Только почему я?..

ГЛАВА 2

Магистр стоял на высоком обрыве и смотрел вдаль. Океан простирался перед ним в сизоватую пространственную длительность, которая, как казалось, не могла иметь предела. Волны работали точно метроном, словно бы отсчитывая прошедшие века.

«Ничего... Уже хорошо, что хотя бы малая часть этой планетки под нашим контролем», — вдруг пришла ему в голову странная мысль, и он озвучил ее. И тут же рассмеялся ей, чуть хрипло произнес в пустоту: «Ты что-то начал быстро глупеть, барон Виндинг-Бронс... Раз тебе в голову забредают такие мысли, значит, ты не намного умнее тех идиотов, что соревновались с Богом до тебя...»

Из-под этой легкой мысли тут же вынырнула другая, давящая. Его беспокоила сегодняшняя работа. Он снова открыл на планшете нужный файл... Текст от Моргентоу, мастера центральной ложи, был странным. «Обратите внимание на письмо, что вам доставят сегодня, — сказал он жестко. — К исполнению обязательно...»

В письме оказалось задание провести атаку на китайского премьера Лэй Сяотина. Никогда не было до этого таких требований. «Что они там затевают? — тревожно размышлял магистр. — И почему мы, а не седьмая ложа? Китай — это их зона ответственности...» Видимо, новый китайский премьер серьезно путал карты финансовым воротилам с Уолл-стрит. После катастрофы на Севере Китая, что произошла четыре года назад, они им мало занимались, а теперь вот снова...

Он посмотрел на свои сандалии — они уже были небезупречны: с одной стороны шов начал чуть заметно расхо-

даться. Рыжеватые редкие волосы на его худых ногах уже заметно седели.

— Вот тебе, барон, метки времени. На лобке уже давно седые. Скоро тебе переправляться, готовься. А ты все о своем величии. Смешной ты человек!

Он рассмеялся, и пошел вниз по узкой крутой тропинке, спускавшейся к пляжам. Справа от себя, в нише под скалистым отвесом, он заметил нудистов. Четыре женщины и три мужчины, загорелые, веселые, пили пиво и болтали. Один из мужчин массировал худощавую блондинку, налегая на ее тошенькие ягодички.

«Вот, магистр! Посмотри на счастливых людей! Зачем ты хочешь их осчастливить еще более? Разве им это нужно? И зачем тебе власть над ними, когда ты уже не можешь осчастливить себя?»

Подойдя к задним воротам обители, магистр достал телефон и нажал одну кнопку. Калитка отворилась тихо и бесшумно, и он вошел. Откуда ни возьмись возникли два человека из Стражи и последовали за ним. Однако он даже не посмотрел на них. Они пошли втроем вдоль малой аллеи в сторону Цитадели, переходя из пятен солнца в неровные тени, которые отбрасывали могучие секвойи. Некоторым из этих деревьев было более 300 лет. Аккуратно подстриженный кустарник стеной возвышался с другой стороны, полностью закрывая проходящих от чьих-либо взоров.

При выходе на главную аллею к нему приблизился еще один человек Стражи. Именно он открыл дверь лимузина, и магистр сел в него.

Водителю не надо было ничего говорить. Он знал, что двигаться ему надо только тогда, он услышит тихий костяной звук удара трости о перламутровую ручку двери.

Магистр любил переходить из пространства в жизни в пространство магии. Не он вышколил этих людей, которые беззаветно служили Братству Обновления уже много лет, помогали ему набирать силу, приближаться к тому уровню власти, на котором они могли бы составить конкурен-

цию тому Ордену, который властвует тут уже несколько столетий. Он знал, что это были дети и внуки тех Мастеров, которые проводили те же идеи с давних времен, и для которых служение во имя этих идей и целей было не делом заработка или работой, а делом жизни, ее главным смыслом.

Он спустился в нижнюю залу ровно в 16:00, как и было назначено. Его шаги по ступеням привычно отдавались под гулкими сводами, и ни один звук более в этом пространстве не возникал.

В назначенный час все двенадцать магов сидели на своих местах. Магистр любил ту особую атмосферу, которая возникала в обрядовом зале логи всегда перед большой работой. Тщательно откондиционированный воздух насыщался словно бы неким странным электричеством. Магистр видел пространство залы ячеистым, состоящим из миллиардов мелких кубиков, плотно прилежащих друг к другу и соединенных энергетическими токами. Казалось, что стоит дать какой-то импульс, и в пространстве возникнет объемная голограмма чего-то, и можно будет смотреть то ли объемный фильм, то ли вещание инопланетной телестудии.

Те двенадцать, что ждали его, стояли в разных местах залы молча, изредка вяло перемещаясь. Когда он сел за свое место за овальным, черного дерева столом, украшенным пентаклями и магическими знаками Братства; когда его длинные седые волосы впечатались в высокую спинку центрального кресла; когда раздался костяной звук его жезла, — только тогда они молча двинулись к своим местам, слегка шаркая ногами, поблескивая лакированными туфлями, и быстро расселись.

По знаку магистра один из служителей нажал кнопку пульта, ниша на потолке раскрылась, оттуда выпорхнул золотистый лучик, и в пространстве кубической залы, прямо в центре, возникла голограмма планеты Земля с рельефным изображением гор, мерцающими пространствами океанов, кристаллическими вспученностями крупных городов. Голографический глобус мягко светился едва заметным синеватым сиянием.

Магистр подождал, когда за служителем закроются массивные двери черного дерева, украшенные вензелями с магической символикой. Затем он указал жезлом на пустующее место справа от него.

— Почему отсутствует мистер Паулино?

Встал седовласый англиканский викарий Сидеро, сидевший рядом с пустующим местом.

— Сэр, господин Паулино перенес инсульт.

— Когда это случилось?

— Два дня назад. Второе лицо ложи не имеет полномочий заменить его на совете центральной ложи.

— Это мне известно. Есть ли следы воздействия или это просто болезнь? Заключение врачей?

— Есть все основания говорить, что было воздействие. Не случайно был выбран день. Солнце стояло в квинконсе к его Сатурну. Кроме того, была минимальная дистанция до даты его рождения, когда идет спад общей физиологической активности. Расчет удара вполне возможен.

— Нажимал ли сэр Паулино кнопку «аларм»?

— Нет!

Магистр резко ударил жезлом по столу. Лицо его побагровело.

— Я ведь предупреждал каждого из вас: при малейшем подозрении на удар нажимайте кнопку! Значение каждого из вас слишком велико! Нужно не менее двадцати лет, чтобы подготовить такого адепта! Вы должны помнить, что, если кто-то из людей Внутреннего Круга нажал кнопку, надо бросать все, все занятия, все дела, все разговоры! Мать умирает? Отец умирает? Сын умирает? Пусть! Никуда не уйти от этого! Но наша работа — она для всех! Она — за всех! Мы выстраиваем новый порядок для мира, не забывайте об этом! За каждую ошибку мы отвечаем не здесь. Мы отвечаем т а м!

Он поднял указательный палец вверх и сделал паузу.

— Перед Ними!.. Надо соединяться, налаживать моментально связь друг с другом и с Кругом. Надо сразу же наносить удары возмездия!

Наступило молчание. Магистр размышлял недолго. Сообщение об атаке на его ближайшего соратника, что и говорить, неприятно задело его. Он медленно вглядывался в лица магов, ожидавших его решения. Пауза длилась недолго.

— Заявленную программу придется изменить, — произнес магистр. — Как вы знаете, планировалась работа по китайскому премьеру. Перенесем ее на вечер. Пока фантом не осел, надо попытаться найти того, кто бил по магистру Паулино. Мы не должны оставлять такие вещи без ответа.

В зале зазвучала величественная музыка, отчасти напоминавшая органную. Голограмма начала медленно вращаться. Возникли четкие разноцветные фракталы, а затем оконтурились и отдельные страны, причем каждая из крупных имела свой особый оттенок.

— Совмещаем географическую проекцию с астральной, — немного торжественно произнес магистр. — Нам предстоит обнаружить в этом пространстве интересующего нас человека. Если магистр Паулино не ошибся, значит, нам нужна Россия.

— Сэр, это могло быть эпизодическое воздействие, — заметил викарий Сидеро. — Это группа магов. Или какая-то отдельная фигура, совершенно новая. Один раз во время сканирования зоны возникло ощущение сильного очагового противодействия. Но при направлении концентрированного посыла источник моментально свернул активность и полностью исчез.

— Сконцентрируйтесь еще раз на этом источнике. Ключ — образ магистра Паулино. Смотрим по фантому, что там за привязки. След должен быть горячий.

Глаза некоторых магов были полуоткрыты. Трое смотрели перед собой остановившимся, стеклянным взором. Двое сидели с закрытыми глазами.

— Я вижу объект, — вдруг произнес Пиранелли, итальянец, немного тучный человек с большой залысиной. — Я вижу острые здания. Я вижу...

— Это Кремль... Это Москва, — четко сказал магистр. — Я хорошо вижу улицу....

— Я вижу объект, — тихо произнес маленький сухонький человек в темных очках. — Я вижу человека. Белая голова... Объект защищен. Брешей нет.

— У него борода... Объект защищен, — подтвердил Степлтон, сухой высокий англичанин с седой, зачесанной назад шевелюрой. — Брешей не вижу.

— Защита обычная, — произнес магистр. — Стекло. Возможно, добавление свинца. Толщину дали... сантиметров десять...

— Может быть второй слой, — заметил хмурый субъект с черной рукой-протезом, потомственный французский аристократ Вернье.

— Надо взламывать, — прохрипел Пиранелли. — Чем будем?

— Господа, усилийте, пожалуйста, образ, — медленно проговорил магистр. — Он пока неустойчивый. Прошу вас, усилийте движение энергии, зафиксируйте образ.

Несколько минут прошли в полной тишине. Затем заговорил Бачински, маг польского происхождения, среднего роста, ладный мужчина лет 45, с плохим английским выговором.

— Фантом становится хорошо виден. Это мужчина... Я вижу свечение...

— Это вы бросьте, Андреас,- заметил холодно магистр.- Вам вечно святые мерещатся... Нормальный маг...

-Со спины трещина, что ли... =заметил Степлтон. — Идет наискось полоса. Что это? О чем это?

— Это защитный пробой. Эта шрам в ауре. Можно попробовать. Чем будем? — торопился Пиранелли.

— Подключаемся к вихрю Бафомет, — сказал магистр, беря в руки свой жезл и поднимая его перед собой. Голос его стал жестким, резким. Он негромко, но с особым, несколько воинственно-агрессивным посылом стал бросать слова в зал.

— Я чувствую силу Бафомета! — воскликнул Пиранелли.

— Мы ощущаем присутствие Бафомета, — подтвердил Бачински.

— Сформируем Меч Силы, — провозгласил торжественно магистр. — Меч багрового пламени! Меч наших предков. Меч воителей Истины! Меч Воинов духа! Меч великого Братства мудрецов...

Прошло несколько минут.

— Меч внесен, — произнес Степлтон.

— Меч здесь. Магистр, берите меч...

Жезл в правой руке магистра задрожал — таково было напряжение мага.

— Дайте багровое пламя! — прохрипел магистр.

— Мы возжигаем пламя, магистр... На алтаре мудрости, власти и справедливости.

— Вижу пламя...

— Дайте больше пламени, — жестко сказал магистр... — Вижу... Окунаю меч...

— Магистр, наносите удар в район шрама... Поверьте, там что-то не так.

— Я вижу...

— Все желтое. Аура желтая...

Наступила тишина. Было слышно, как далеко гудит кондиционер. Глухой стук от закрывшейся где-то двери также был слышен, но более ничего. Только неровное дыхание двенадцати мужчин.

— Магистр, помочь вам поднять меч? — тихо спросил Пиранелли.

— Помогите. Меч тяжел! Просто невозможно как тяжел... Не понимаю...

— Поднимаем! Мы поднимаем, магистр, не волнуйтесь! Ваше дело правильно нанести удар...

— Чувствую помощь Бафомета... Благодарю... Главное, все делать вместе... Заношу меч... Занес меч...

— Выше, господин магистр, — прохрипел Вернье, тяжело дыша. — Выше! Удар нужен с натягом! Замах больше! Так! Бейте! Бейте, магистр!..

Вернье аж привстал, стукнув о стол протезом. Кто-то из магов издавал странный тягучий гул. Пиранелли покачивался с закрытыми глазами.

— Магистр, бейте! — резко крикнул Степлтон. — Пора!

Что-то произошло — будто вспорхнула птица. Магистр выдохнул и опустил жезл. Голову опустил вниз.

— Так... Так... — Степлтон, не открывая глаз, пытался комментировать. — Защита частично расшита.

— Удар прошел. Прорыв есть...

— Доставайте пику... — приказал магистр. — Наносите удар в сердце.

— Магистр, там второй слой, — негромко сказал Пиранелли. — Там панцирь. Черт... Типа как у рыцарей. Кольчуга.

— Это металл, — подтвердил Степлтон.

— Этого следовало ожидать, — подтвердил Бачински. — Я говорил.

Магистр смотрел перед собой невидящими глазами.

— Да, разумеется. Может быть и третий уровень защиты...

— Господа, железо — простой материал, — прохрипел Степлтон. — Надо вскрывать.

Магистр снова вытянул перед собой жезл, и начал давать команды твердым голосом без окраса:

— Достаем дрель... Диаметр сверла — 28 миллиметров. Сверлите отверстия в районе груди...

— Дрель... Электрическая?

— Какой век сейчас, Джузеппе? Может, еще ручную пилу достанем? — пошутил Бачински.

— Без шуток, господа... Вводите дрель. Давайте обороты. Резко вводите дрель! — почти кричал магистр. — Не тяните!

— Они зашивают, — подтвердил Пиранелли. — Они нас обнаружили.

— Было бы странно, если п-пы это бил нэтак, — заметил швед Сандерс, акцент которого вдруг усилился

— Степлтон, поставьте общую защиту на помещение, — приказал магистр

— Вернье, помогите ему. Джузеппе, держите дрель. Работайте. Вы будете держать дрель.

— Кто дает обороты? — спросил Пиранелли,

— Я даю, — подтвердил Сандерс. — Я дам хороший... обороты!

— Обороты есть, — кивнул Пиранелли.

— Бачинский, помогите поднять меч, — крикнул магистр.

— Держу! — последовал ответ. — Удар! Наносите удар!

— Работаем! — хрипло прокричал магистр.

Одиннадцать магов учащенно, шумно дышали. Свечи горели неровно, оплывая черным нагаром. Нависла зловещая тяжелая тишина. Но вскоре последовал выдох.

— Удар вышел скользкий, — заметил Пиранелли.

— Ничего подобного, — возразил магистр. — Удар хороший! Я расширил щель. Сверлите грудь!

— Молоток! Долото! — вскричал Степлтон. — Есть отверстие!

— Вскрываю железо! — в запале орал Пиранелли. — Я открою его! Я достану тебя!

Пиранелли входил в раж.

— Магистр, нас атакуют, — коротко крикнул Вернье.

— Есть ответное воздействие, магистр. Пока терпимое, — подтвердил Степлтон.

— Надо дожать! Держите защиту! — произнес магистр, тяжело дыша. — Джузеппе, видите ли вы тело?

— Там одежды клок... И тела не вижу. Возможно, под одеждой ничего нет.

— Пику! — вскричал магистр. — Пику мне!

— Даю пику! — вскричал Пиранелли.

— Держу пику, — хмуро бросил Степлтон.

— Яд! Дайте яд! — хрипел Вернье.

— Я подношу чашу. Это хороший яд! Это цикута.

— Все желтое! Опять все желтое! Чер-рт!

— Макайте пику, — кричал Пиранелли. — Магистр, опустите острие! Ниже!

— Есть, — тихо сказал магистр. — Яд на острие!

— Бейте в сердце, магистр! — спокойно и холодно возгласил Пиранелли. — Да не дрогнет ваша рука!

Наступило молчание, затем выдох магистра. Он опустил жезл. Тело его содрогнулось.

— Что происходит? — прошептал Вернье. — Прошел ли удар? Я ничего не вижу.

— Они пустили дым, — заключил Степлтон. — Они все закрыли дымом!

— Прошел встречный удар от троих сильных, — заметил Бачински задумчиво. — Куда ушел удар? Я увел от себя. Куда ушел удар?

— Магистр, вы в порядке? — обратился к магистру Пиранелли.

Однако магистр не отвечал. Он молча раскачивался в кресле.

— Магистр?.. — Пиранелли привстал в кресле, наклоняясь в сторону магистра. Но тот остановил его движение и покачал головой, затем выставил вперед руку — мол, подождите, все в порядке. Затем он открыл глаза.

— Я ударил... Удар был достойный... Но я не видел крови. Пику толкнули на меня. Я не понял, каким образом... Кто-то толкнул на меня.

— Идет удар, — опять резко вскрикнул Вернье.

— Держим защиту! — громко крикнул магистр.

— Материал? — спросил Пиранелли.

— Ставим чугун. Чугун или гранит. Толщина — около двадцати сантиметров.

— Ответный удар идет! — вдруг вскрикнул Степлтон. — Ставьте все индивидуальную защиту.

На несколько минут все стихло.

— Защита держит, — заметил Степлтон.

— Мне плохо, — тихо сказал Вернье. — Врача...

Магистр вскочил.

— Бачински, Пиранелли, держите защиту. Степлтон, помогите поднять Вернье...

Втроем они помогли было подняться французу, однако тот обмяк у них в руках. Магистр вызвал служителей. Рослые мужчины в черном подняли Вернье и унесли в прихожую, положили на диван. Тот был бледен. Глаза ввалились, зрачки блуждали. Пот на лбу выступил мелкими желтыми пятнышками.

— Срочно бригаду медиков! — приказал магистр. — Работу заканчиваем. Ставим защиту на отход.

Отойдя от Вернье, магистр поднялся на лифте наверх, на пятый этаж, вышел на балкон. Город накрывала ровным розовым пламенем вечерняя заря, поднимавшаяся над океаном. Сам же он огромной тушей лежал почти недвижимо, нежась в лучах позднего солнца. На душе у магистра была пустота и горечь, и также плохо сдерживаемый гнев. Некоторое время он стоял и смотрел на голубеющий вдали океан. Внизу появилась белая машина медицинской бригады. Магистр увидел бледного Вернье, которого подняли на ноги и с трудом втащили в машину. Та шумнула мотором и очень быстро уехала.

«Черт знает, что там за звери, — подумал магистр, и двинулся к лифту. — Сотни лет душим, и все живут... Еще огрызаются...»

Предчувствие новых тяжелых схваток тяжело внедрилось в его и без того угнетенное, подавленное, ущемленное сознание.

ГЛАВА 3

Михаил Георгиевич два последних дня сентября провел в непрерывной медитации. Он чувствовал, что предстоит сильное напряжение. Ему нужно было восстановить внутреннее спокойствие, подавить возникшую тревожность. Главное, что его беспокоило — периодически возникавшее сканирующее воздействие из очень сильного источника. Однако когда он попытался позднее разглядеть, прощупать, где источник воздействия, он наткнулся на основательную, очень прочную защиту. Вибрирующий кокон пытался накрыть его, невидимые глаза прощупывали его со всех сторон, и ему надо было быстро сворачиваться в точку, исчезать с этого плана, возвращаться в тело.

Он думал вначале, что это инопланетники. Но он хорошо знал, что с ними-то как раз бороться бессмысленно, и лучше просто расслабиться, полностью предоставить себя в их распоряжение — они сами решат, как поступить. То был недостижимый уровень — люди планеты Земля для большей части их групп были чем-то вроде тараканов. Статус и особенности тонких полей инопланетников вибрационно от-

носились к совершенно иной категории, невозможной для землян; потому они могли установить управляющее воздействие в отношении практически любого из земных людей. Они не имели возможности сделать это лишь с теми немногими, кто ранее также появлялся в трехмерном мире в физическом теле, но со временем радикально опередил других эволюционно, переместив свое сознание в тонкие тела, после чего появление в теле физическом для них перестало быть необходимостью. Теперь эти бывшие люди являлись Духовными Водителями человечества и составляли духовный центр планеты и земной цивилизации. Для любых инопланетников у них был статус неприкасаемых, так как Водителей курировал Коалиционный Отряд Наблюдателей, высочайшая инстанция ближайшей к земле космической зоны.

Михаил Георгиевич Берестов знал все это от Учителя, который периодически появлялся в физическом теле, собирая в своем гималайском ашраме избранных учеников. Уходя же, он сохранял связь с телом, поддерживая в нем жизненность уже более семи сотен земных лет. Он перемещал в это тело сознание приблизительно раз в десять-двенадцать лет. За это время у него появлялась потребность сообщить участникам ашрамной цепи некие новые уложения, касающиеся перспектив развития цивилизации, и поставить новые задачи перед ашрамной цепью.

Михаил Георгиевич видел его всего лишь два раза. Когда состоится очередное его появление, никто из чела не знал; но Михаил Георгиевич чувствовал, что это произойдет относительно скоро. Дело было даже не в том, что Чохан не появлялся в теле уже более семи лет; просто за год-два до его появления от него, пребывающего в высоких слоях Тонкого Мира, начинала просачиваться на земной уровень некая тонкая вибрация, которую с безошибочной точностью улавливали его ученики. И по мере приближения Чохана к временному возвращению в тело она становилась все осязатее.

Примерно за месяц до прихода Чохана никто из чела уже не мог заниматься ни чем иным, как пребывать в медитациях и проводить суровые чистки физического и тонких тел.

Ученики прекрасно знали, что загрязненность одного из чел может затруднить взаимодействие Чохана со всеми сразу. И хотя он мог, не входя в тело, через тонкие планы просмотреть каждого из чел, он не отказывал во встрече даже не вполне прочистившимся ученикам, которые однажды уже находились рядом с ним, в приближении.

Михаил Георгиевич, один из двух российских чела, допускаемых на встречи с Чоханом, имел в этом крайне узком кругу имя *Свами Аннуварсат*. Именно по коду, связанному с этим именем, он мог периодически выходить на связь с другими чела — теми, кто медитировал в гималайских и тибетских ашрамах или просто пребывал в горных пещерах, выполняя практики и необходимую работу на тонких планах. Мир продолжал бесноваться, периодически подходя к опасным граням. Прихваченных простыми инстинктами кукол в виде президентов стран, премьер-министров, крупных политиков и бизнесменов постоянно дергали за нити управления группы темных медиумов, обуреваемые желанием контролировать весь трехмерный слой планеты. Труженикам ашрамной цепи постоянно приходилось гасить опасные наводки медиумов, способных хватывать лишь маленькие узелки тех грандиозных взаимосвязей, что управляли сложнейшей механикой планетарного космоса. При этом чела не имели права наносить жесткий урон темным магам, подводя их к развоплощению. Чела не могли нарушить закон, внедренный с базовые семантические поля этой зоны Вселенной: закон свободной воли. Потому эта игра уровней все длилась и длилась, и конца ей видно не было; человечество оставалось большим ребенком, и прогрессировало крайне медленно.

Анализируя характер воздействия, оказанного на него издавека, Михаил Георгиевич понял, что воздействие шло все же от людей, а не инопланетников; что работали просто сильные маги. Позднее, еще в мае, его ближайший соратник по общине Велимудр догадку эту подтвердил. Более того, он сообщил, что неизвестная группа попыталась расколоть орех защиты вокруг государственного центра, нанести удар по первому лицу. Тогда была проведена серьезная работа;

в итоге неизвестная группа на время исчезла. Велимудр был уверен, что это англо-саксы.. Возникло предположение, что Денверскую гиперкатастрофу 2-го года ряд американских тайных орденов справедливо посчитали расплатой за катастрофу северокаитайскую, устроенную американскими технологическими концернами искусственно. Многие из сильных магов, работавших на США, были против таких воздействий, предполагая, что существуют силы, способные провести «удар расплаты». 35 миллионов китайцев, погибших в районе Гуайяна, многих магов отрезвили. Никто ранее не ощущал энергетики, подобной возникшему после этого удара, по своему ужасающему депрессивному давлению на общее пси-поле цивилизации. Волна тотального ужаса, что сконденсировалась в результате мгновенного развоплощения такого количества людей, потрясла всю землю, все народы, породив даже вихри безумия среди менее цивилизованных южных народов. Люди как-то подкожно, почти бессознательно ощутили, что такое всеобщая гибель; что между голливудскими ужастиками и реальностью просто нет ничего общего.

Как предполагал Велемудр, многие маги, работавшие в тайных ложах Европы и Америки, не могли не понять, что Америка заигралась и получила заслуженную обратку; они теперь могли попытаться стать «хорошими». После того как серией чудовищной мощи торнадо и землетрясений были буквально стерты с лица земли Денвер, Санта-Фе и Альбукерка, опустошена, завалена и сожжена вся огромная зона вокруг них, эти маги наверняка пересмотрели взгляд на глобальную геополитику и возможность использовать геофизическое оружие большой мощности. Они вполне могли создать какие-то новые ордена и попытаться перехватить власть у заигравшихся иллюминатов.

Теперь, возможно, новые ложи пытались усилиться, и прощупывали конкурентов в зонах работы влиятельных эгрегоров.

...В тот тяжелый день Михаил Георгиевич поехал в центр города, чтобы купить в проверенном магазине экологически

чистые продукты. Атака на него была внезапной; она началась прямо на улице. Первый же удар едва не сбил его с ног. Мощная горячая стрела была послана в район печени. Берестов тут же поставил защиту: стеклянно-свинцовый панцирь на сердце, на голову, на печень; но нападавшие находили слабые места и пробивали ее. Он шел по улице, и его качало; вероятно, прохожие думали, что он пьян.

Один из ударов вызвал резкую боль в сердце, холодную испарину, страх — это были явные признаки приближавшегося инфаркта.

Тогда он ринулся в метро. Новые удары шли в район сердца и в голову. Он видел, что в него вонзаются пики с огненными наконечниками, посланные с особой злобой и концентрацией энергии. Также было видно, что кто-то словно ножом режет его эфирное тело, вырывая клоки ауры. В висках стучало, началась сердечная аритмия.

Тогда он достал из-под рубашки, из-под куртки оберег. Образ Хранителя, древнего славянского волхва Радоми-ра, возник перед ним и словно отодвинул, сместил куда-то в дымную хмарь города, шум городских человеко-потоков. Берестов сложил из пальцев защитную мудру и попросил помощи у Братства. Однако новый удар едва не лишил его сознания. Сердце то замирало, то вдруг спохватывалось. Это было очень опасно — он отдавал себе в этом отчет. И все же после мантры что-то изменилось. Возможно, включился родной эгрегор. Но Михаил Георгиевич знал, что эгрегор будет работать против эгрегора, стремясь подавить очаг, источник; личную защиту он должен формировать сам.

Он бежал к метро, едва не сшибая на ходу людей, держась воображаемой прямой линии. Удары настигали его, острая боль пронзала сердце. Лишь когда он сбежал вниз по эскалатору «Таганской» в самую глубину, втиснулся в переполненный пиковый вагон, воздействие стало ослабевать... Они теряли его из зоны видимости; он к тому же стал строить свои эфирные дубли.

На первом же перегоне Берестов поставил мощный защитный блок из свинцового панциря с зеркальным отража-

телем. Он напряг все силы, всю оставшуюся энергию. В вагоне сформировалось мощное поле магического напряжения. Вдруг стало плохо женщине — ее муж начал кричать в селектор для связи с машинистом. Ребенок и другая женщина почему-то выскочили из вагона на станции, как ошпаренные, словно спасаясь от чего-то. Всех в вагоне штормило, все непрерывно ходило с места на место, лихорадочно говорили, словно что-то ища.

Тогда он вышел из вагона и двинулся по залу «Павелецкой». Тех, кто шел ему навстречу, как бы сносило в сторону. Два человека внезапно упали. Он ринулся в конец зала, чтобы никого не травмировать, боясь, что кого-то выбросит под поезд...

Воздействие стихало. Его потеряли. Но кто это был, для него оставалось загадкой.

Дома он сел в позу «шавасана», зажег сандаловые палочки, свечи, аромалампу. Уже через два часа после начала медитации ему удалось остановить поток самопроизвольных мыслей, которые вбрасывало взбудораженное подсознание. Они теперь уже не выскакивали, как тени, из-за угла — разнообразными, неожиданными, болезненными; они попрятались и сидели тихо где-то на задворках основного сознания. Его мозг, как затихнувший ядерный реактор, пульсировал спокойно и мощно, по-прежнему собирая импульсы со всех частей тела. Михаил Георгиевич отчетливо видел натянутые струны своих нервных путей — они светились желтоватым сиянием, спокойно и ритмично пропуская электрические токи от органов, от систем, от всех частей тела. Ему стоило лишь сконцентрироваться, и он получал возможность рассмотреть, как от среднего пальца правой ноги по команде расслабления пробежал желтовато-красный импульс и растворился в районе спинного мозга. Все пальцы ног моментально расслабились.

Он перенес внимание на эндокринную систему — тут же высветилась мощным красным пучком щитовидка, напомнившая то ли горящую медузу, то ли сверкающую ламинарию. От нее шли упругие нити во всех стороны — к двум почкам, к желудку, к печени. Он вдруг увидел, что канал, идущий

к поджелудочной, провис, ослаблен. «Вот тебе, дружок, кусочек торта на телевидении», — тут же подумал он и начал натягивать эту нить. Она поддалась не сразу, постепенно. Он подтянул обвисшие струны, тянувшиеся к надпочечникам, а также канала, шедшего к икроножной мышце левой ноги.

Весь организм светился, словно в разрезе. Он видел теперь каждую его часть, не переставая удивляться мастерству тех изумительных проектировщиков и конструкторов, которые создавали эти биомашины, продумывая каждую мелочь, делая их жизнеспособными и пригодными для заселения в них кристаллов монад — плазменных образований, способных интегрировать, вбирать в себя синтетический многомерный опыт воплощений.

У Михаила Георгиевича давно сложилось представление, что конструкторы и биотехнологи инопланетников наслаивали одну структуру к другой постепенно, а не замышляли все тело сразу, в целостности. Сначала они создали эту первоначальную цифровую сеть, соединенную с базовыми полями космоса. А затем уже стали делать механику: костяк на самообновляемых шарнирах со смазкой; нанизанные на костяк мышечные ткани. Затем вложили в этот корпус систему органов, которую разработали отдельно на каких-то моделях; затем подвели к этому конструкту питание в виде стройной и разветвленной системы энергоконцентраторов (чакр); подвели сеть энергоканалов с опорными точками, удерживающими вокруг себя эфирное поле. И лишь затем подсоединили центральный и периферийный процессоры — головной и спинной мозг. С ними же связали отдельно разработанную и, возможно, стандартную сеть нервных проводов, способную проводить электромагнитные импульсы.

Они наверняка проверяли работу биомашин на каких-то своих стендах, посылая импульсы по нервным волокнам, экспериментируя, проверяя, как работает головной мозг; вносили в его конструкцию коррективы, добавляя новые блоки. Только отработав все реакции самой машины, они подсоединили к нему собственно цифровую сеть. Как она проросла в тело, как взяла под контроль каждую клетку

организма, казалось непостижимым, но это было сделано. Возникла цельная система, способная к самоосознаванию. После этого им оставалось только провести эксперименты с внедрением кристаллов монад, которые были до того пропущены в течение миллионов лет через системы растительного и животного царств. Отобрав наиболее развитые из них, они соединили их с биомашинами и их подсистемами.

Наверняка поначалу самосознание было неполным, поскольку центральный процессор (головной мозг) не мог обработать всю информацию, что шла от органов чувств и глубинной памяти монады. Тогда они приняли решение заблокировать часть глубинной памяти, чтобы человек не мог проникнуть в слои предшествующих существований, но остался полностью самоосознающим. Это был фантастический успех! Ведь на каждой из планет свои особые условия и создать самоосознающее существо, способное жить в физической конструкции, невероятно сложно.

Эти размышления начинали одолевать всякий раз после длительных медитаций, когда он был способен видеть самое себя изнутри, в чистом виде, без вмешательства своего произвольного и полного автоматических реакций внешнего «Я». И всякий раз он словно делал перезагрузку своих знаний и начинал понимать сложность всего этого устройства во все большем объеме.

На вторые сутки своего голодного и сухого погружения, когда он уже перестал даже выходить в туалет за ненадобностью, Берестов, наконец, получил возможность свободного планирования в тонком теле в некоторых важных для него пространствах. Связь с Проводником была отчетлива; он позволил ему приблизиться к определенным слоям, связанным с эгрегором Северной Америки.

Тот, кто на физическом уровне являлся Берестовым, видел, словно в туманной многослойной буровой паутине, многообразные пространства, надстоящие над континентом, наполненные крайне интенсивной жизнью. Физический план страны и тонкомирная паутина были соединены

тысячами пульсирующих нитей. Импульсы проходили как сверху вниз, так и в обратную сторону. От каждого импульса часть тумана приходила в движение подобно тому, как вода в весенней луже колышется от подсоединения нового ручейка. Красноватые, желтые, а кое-где голубоватые свечения возникали и гасли. Физический план виделся ему точно так же, как при цейтраферной съемке: в ускоренном ритме, бешеной динамике. Верхний слой временного потока уходил куда-то за кадр, за край его взора. Нижний слой времени продвигался импульсивно, резко, ненамного опережая время пульсирующего физического слоя.

Высший аспект того, кто являлся тут Михаилом Георгиевичем, создал мыслеформу — желание увидеть источник той атаки, что была проведена на него месяц назад. И эта мыслеформа была подхвачена Проводником. Произошло мгновенное смещение курса, и вскоре он увидел под собой, будто из иллюминатора самолета, яркий мерцающий океан, а затем группу островов на нем. Таким образом, Проводник показал ему географическую точку. Это было почти так же, как на GPS-навигаторе. Но при приближении к одному из островов неизвестной гряды трехмерный слой исчез, и тогда он вдруг увидел оранжевый стусток совсем рядом. От него вниз шел плотный поток свечения серебристо-сиреневого цвета. Пройдя по потоку, он увидел проекцию некоего здания с овальным кабинетом в самом низу. Только в проекции кабинет находился там, где должна была находиться крыша. Мысленным усилием он перевернул это изображение. На какой-то момент возникла такая картинка: группа людей в черных одинаковых накидках с белой вышивкой на левой стороне груди. Он попытался увидеть, что было отображено на нашивках. То был какой-то вензель, напоминавший средневековый символ. Однако в этот самый момент серебристо-лиловый стусток вдруг развернулся, и словно бы увидел его. Он не имел глаз, но неким невидимым органом уловил присутствие чужого наблюдателя. Проводник моментально это отметил и начал уводить его дальше от этого эгрегора. Однако стусток выбросил неровный корявый шлейф липкой

энергии, словно пытаясь зацепить его... Проводник отсек шлейф от него. Тогда ведущий и ведомый ушли в какой-то промежуточный слой и там затерялись.

Однако напряжение от возникшей опасности что-то изменило в общем порядке вещей. Михаил Георгиевич уловил дыхание своего физического тела — это было неровное, тяжелое дыхание. В теле ощущалась тяжесть, особенно в районе сердца. К нему вернулась способность мыслить через физический мозг, и первой его мыслью была такая: насколько серьезной была опасность сближения с тем эгрегором над островами? Но ответа не последовало.

Он начал работать с телом, прощупывая каждую его часть по отдельности — ноги, грудь, живот. Вернувшаяся часть эфирной оболочки заполняла опустевшие лакуны, быстро запуская органы в рабочее состояние.

Через полчаса он открыл глаза. Уже потемневшее заоконье было в фокусе. Механика оперативного сознания соответствовала норме.

— Это они... — подумал он. — Это точно, они. Америка... Только кто?

Он пошел на кухню, чтобы включить чайник, и ударился плечом о косяк двери. Только тогда он полностью пришел в себя.

ГЛАВА 4

Ничего не было особенного в этом кабинете; все стандартно-роскошное и дорогое. Дорогие часы на подставке, дорогой прибор с дорогими ручками, все перламутровое, мерцающее, золотистое. Дорогое коричневое кресло, последней модели моноблок на столе. Все как надо. Ни портретов, ни книг — ничего лишнего.

Падин сел напротив. Андрей почувствовал, как время замерло, а потом понеслось — секунды затикали, запустился отсчет. Начался этюд с непредсказуемым финалом, и то, чем закончится разговор, зависело от обстоятельств и факторов, большей части которых Андрей не знал.

Михаил Георгиевич научил его методике Верховерна — Ширяева, и он ее давно применял во время особенно длинных и важных разговоров. Суть ее состояла в том, чтобы осуществлять по ходу разговора его мысленный «монтаж» в соответствии с основными дискурсами. Все, что происходило далее, весь этот длинный разговор гораздо позже выплывал из памяти Андрея законченными фрагментами. Одновременно с процессом воспроизведения возникал и образ Падина: то его стального цвета пронзительные глаза, то греческий профиль с зачесанными назад темными волосами, то немного искривлявшийся при разговоре рот, то длинная сигара, дымящаяся на столе.

Во время всего этого разговора Андрей видел плотный слой серовато-свинцовой энергетики с различным движением каких-то кранов, станков, тепловозов, еще чего-то громоздкого, железного. И все это окутывал некий желтоватый ореол, маняще-сладковатый, притягивающий. Андрей улавливал это своим изошренно-тонким восприятием. Он понял, что это — излучение больших финансов, целых массивов денег. Они как бы центрировались вокруг человека в сером костюме с такими же серыми глазами, внимательно смотревшем на него.

Фрагмент первый. Вводный

— Вы курите? — спросил Падин.

— Так, покуриваю... Когда возникает необходимость, — ответил, пожав плечами, Андрей.

— Какого рода необходимость?

Андрей замялся.

— Если я начну развивать эту тему... Уйдет много времени...

— А если коротко?

— Вы вряд ли знаете... Это один из арканов Таро... У бизнесменов вашего масштаба, я так думаю, времени на чтение не бывает...

Падин засмеялся.

— Ну, не такие уж мы тупые. Иногда почитываем. Хотя вы правы, времени едва хватает на главное... Как там Будду излагают... «Чем больше вещей, тем больше бремя»... Как-то так...

Маранов посмотрел на него удивленно и заметил:

— Вещей в мире накопилось слишком много... У кого-то их непременно будет больше, чем у других... У каждого своя программа...

— Вероятно... Ладно, надеюсь, у нас будет еще время поговорить и об этом, — ответил Падин.

Он склонился к столу и что-то пометил в ежедневнике. Маранов видел, что он нарисовал цифру 1, написал строчку. И тут Андрей увидел в стопке книг ту самую книжку Дмитрия Ширяева, где он описывал логические системы, а заодно расширил методику Верховерна.

— Надо же, как Ширяев в гору пошел. Даже олигархи его читают.

— О, вот как! И футбольные тренеры мозги тренируют!

— Да я еще и не тренер. Риелтор.

— А, ну да. Риелтору, кстати, положено.

Фрагмент 2. Определение темы

— По моим предположениям, я вас мог заинтересовать только одним... — начал Андрей.

— Это правда. И каковы предположения... ваши?

— Футбол?

Падин издал странный возглас удовлетворения типа «Гымх!» и сделал хлопок ладонями. Андрей понял, что попал.

— Садимся, — сказал Падин, делая приглашающий жест рукой.

Они сели. Падин долго молчал, глядя перед собой. Потом заговорил.

— Вы знаете... Я давно приучил себя обращать внимание на людей, которые могут как-то нестандартно подойти к известным, вроде бы привычным вещам, на которые угол зрения установлен. Которые могут рассмотреть известный предмет под особым углом, понимаете?.. Меня крайне заинтересовали два факта вашей биографии. Факт с тюрьмой особенно... Вы там создали команду — уже это заслуживает внимания. И эта команда зэков обыграла команды каких-то охранных структур МВД... Приз какой-то взяла... Так?

— Как вы это раскопали? — поразился Андрей. — Это мельчайшее событие в мире футбола!

— У меня толковые помощники. Ловят не слова, а намерения.

— О-о! Таких найти непросто!

Фрагмент 3. Экскурсы

Падин:

— Вы были на войне...

— Да. Я был в Сирии. В 2016-м. Руководил подразделением. База Хмейним...

— Десант?

— Разведка. На Востоке это сложно.

— Ранения?

— Обошлось. Друзей терял. Пороха вкусил... Америкосы бомбили... Жесткая школа. Но не моя... Я потом решил демобилизоваться. Так не пускали!..

— И как же?

— Вот футбол-то и выручил. Я служил в Южном округе. Мы с генералом сразу поняли друг друга... Он болел футболом так же, как и я. Хотя он не понимал, что это такое по большому счету...

— Так... А что это ...по большому счету? Было бы интересно услышать...

Андрей задумался. Он знал весь объем темы и понимал, что сразу нельзя вываливать много. Надо сначала понять, чего он хочет... Возникла пауза.

— Это тема обширная... В самом общем виде футбол — это универсальная динамическая модель жизни...

— В каком смысле?

— В самом общем... Вот... Когда вы прорывались к воротам... Пардон... вас что, не били по ногам? Защитники за майку не хватали?

Падин расхохотался. Ему понравилось.

— О-о! Еще как хватали! Чуть трусы не срывали! По яйцам так пиз...ли!

— Догадываюсь! — улыбнулся Андрей, ничуть не удивившись его магу. — Но вы забили красивые голы!